

М. Л. КАРАСЕВА

ПОЭЗИЯ Р. ЗОГОВИЧА 30-40-Х ГОДОВ: ПОЭТИКА И ПОЛИТИКА

Известно, что сам Р. Зогович в 30-40-е годы, т.е. в период своей наивысшей активности, субъективно не отделял свое литературное творчество от политической борьбы. Он говорил об этом настолько прямо и открыто, что за примерами далеко ходить не надо. "Поэт-воин" (по его собственному определению), поэт-трибун, имеющий ярко выраженную социальную ориентацию, он считал политику своим кровным, "личным" делом, одним из важнейших жизненных предназначений человека. В своих стихах он откликался на многие важнейшие политические события современности и прошлого, и труднее в этот период найти стихи, в которых не было бы подобного отклика. В статье 1944 года из газеты "Борба" "К мечу и к перу!" он развивал мысль о том, что в мирное время перо должно выполнять ту же функцию, которую в военное время выполняют меч. В стихотворении "Непокорная песня" (1946) он писал: "Мой стих - меч в обороне - клинком заострится". В другом месте не менее выразительное сравнение: "Я выпускаю эту огненную пулеметную очередь - эту пулеметную очередь в стихах!" - И таких примеров множество.

По своим взглядам на художественное творчество Р. Зогович примыкал к движению "социальной литературы" и, обладая развитым художественным даром и поэтому не впадая в его крайности и вульгарное социологизирование (то, что он называл "неграмотность и лживость критики"), все же в своих статьях весьма строго следовал партийному пониманию искусства и отстаивал ценности и теоретические постулаты социалистического реализма. В полном согласии с этими взглядами он часто называл поэтов и художников (цитируя С. Марковича, причем, и в 30-е, и в 40-е годы) "пробужденными частями народа" и "сознанием народа о самом себе", считал, что они должны -

обязаны - участвовать всей силой своего таланта в разоблачении социальной несправедливости, в борьбе народа за лучшее будущее. Это он называл - выполнять свой долг перед народом и отечеством. В разных местах он постоянно подчеркивал, что поэт обязан воспитывать народ на труд и подвиг, участвовать в обновлении отношений между людьми, "вооружать народ идейным оружием, развивать его вкус, поднимать его запросы на новый уровень" и т.п. Одним словом, он считал художественное творчество одной из форм политической борьбы. Это он называл "служением истине, прогрессу и достоинству человека." "Искусство не может быть олимпийски независимо от общественных, классовых и личных интересов", и его тенденциозность - это свободный выбор "не служить" денежному мешку.

При таких взглядах на искусство и при такой слитности поэтики и политики, слова и дела, Зогович-поэт со временем мог бы потерпеть серьезный ущерб от диктата Зоговича-политического деятеля. Однако, как известно, этого не произошло, и Р. Зогович в течение жизни совершенно не склонен был менять свои убеждения, - "Меня не переделаешь и не исправишь!" Цельность и сила его природы представляются иногда просто георойскими - можно сказать, эпически возвышенными и несокрушимыми. Что же в таком случае поддерживало его поэтический дар на столь высоком уровне в течение всей его долгой творческой жизни?

Еще С. Калезич в статье "Понимание реализма Зоговичем" писал, что поэт в своих теоретических трудах непрестанно был прикован к будущему, к идеалу (или еще точнее - к коммунизму), в то время как в собственном литературном творчестве больше опирался на опыт прошлого. Познание собственного времени и среды было у него в какой - то мере односторонним и прагматичным, не охватывало всю сложность окружающей жизни. "С точки зрения теории у него было больше предполагаемого, нежели действительного реализма. В терминологии - больше публицистики, нежели компетентности" ("Радован Зогович - пјесник и човјек. Зборник радова", Титоград, 1988, с. 288). Но это само по себе тонкое наблюдение говорит лишь о том, что на самом деле поэзия Зоговича питалась из каких - то других источников, которые были скрыты, невидимы в том числе и самому поэту (несмотря на цельность, декларативную открытость и эпическую чистоту его природы), что за социалистической, откровенно политизированной тенденцией его творчества стоит поэтическая глубина, в терминах этой тенденции не выразимая, что "политика" и "поэтика" имеют столь разную природу, цели и направленность, что при внимательном рассмотрении чаще всего оказываются весьма далекими одна от другой. Именно с этих позиций и сделана попытка подойти к творчеству Р. Зоговича.

Когда читаешь Зоговича, то внимание останавливают некоторые повторяющиеся смысловые компоненты, переходящие из одного стихотворения в другое в вариантах многочисленных, но все же узнаваемых.

В стихотворении 1939 года "Промокший платан" Зогович славит жизнь и, вслед за своим любимым поэтом Маяковским, проводит границу жизни и смерти: "Во имя жизни долой все мумии, во имя жизни живое да здравствует!" (с. 51) По его мнению, граница жизни и смерти проходит вовсе не между живыми и умершими людьми: она лежит между теми, кто живет полной настоящей жизнью, и теми, кто направлен на противодействие им. По мнению Зоговича (которое он повторяет в разных местах), враги - это не живые люди, или уж во всяком случае не настоящие люди, и он находит им все новые и новые определения ("двуногие доги", "цепные псы", "фашистское моторизованное зверье", "грабители", "мошкара", "стервятники", "ослоухие", у них "скользкое тело гадюки", сомнительно, есть ли у них лицо, их смерть не вызывает сочувствия, ужаса, скорей удовлетворение от восстановления справедливости). Но "не-жизнью" является также "тепловатость и вялость", т.е. ослабленность жизненных проявлений, проистекающая либо оттого, что человек сам боится жизни и отворачивается от нее, что он "спит", забыв о том, что жизнь это бодрствование, либо оттого, что он насильственно отторгнут от жизни и находится в тюрьме, в больнице (как сам поэт долгое время), в изоляции и т.д. Там, где нет солнца и дождя, где не слышен ритм города и природы, где человек отторгнут от своего труда, - там жизни нет. И на этой антиномии жизни - не-жизни многое построено в творчестве Зоговича. Здесь следует сказать, что мертвые (те, кто действительно умер), для него часто гораздо живее, чем "не-живые", чем мумии. Люди, сражавшиеся и погибшие за свободу, люди-труженники, в поте лица добывающие всю жизнь свой хлеб, - для него не умирают вовсе в каком-то смысле. Они - его соратники и друзья, его единомышленники в борьбе с "не-жизнью", они - "свои" в отличие от врагов, "чужих", "мертвых", и поэтому живы. Здесь же следует сказать о трепетном, священном отношении Зоговича к дружбе: она занимает в его творчестве больше места, чем любовь, потому что в понимание дружбы вложено важнейшее жизненное кредо автора - в дружбе воплощается братство "своих", единство людей, составляющих народ, тот самый народ, который наделен в представлении Зоговича главной прерогативой настоящей, неослабленной, полнокровной жизни.

С другой стороны, Зогович часто и настойчиво повторяет, что жизнь - это вечный и жестокий бой. Ощущение постоянной угрозы, нависшей над жизнью, необходимости постоянной ее защиты, борьбы, настойчивого преодоления сопротивления врагов пронизывает его

художественный мир можно сказать насквозь. Эта борьба совершается в сознании человека, в природе и в обществе (стихотворения "Яблоня на ветру", "Инструкция маслине", "Упрямые строфы" и мн.др.) в последнем случае она может принимать формы открытых, кровавых столкновений или более мирных политических выступлений, что не противоречит одно другому, а является просто ранними формами борьбы, которая в конце концов призвана делать все время одно и то же - отстаивать и защищать жизнь. При этом настоящая жизнь, по мнению Зоговича, не противоречит природе, а составляет с ней единое целое ("Границы земли этой стерегут ее облака, с обоями грома, с мечами молний, не знающих ножен" - как отповедь врагам Югославии). Человек - един с землей ("Письмо с курьером", "Упрямые строфы"). Борьба присуща жизни как ее неотъемлемое качество, геройство - необходимое условие жизни, которую иначе не защитить, не сохранить. Жизнь - это борьба, и только в этой борьбе она существует. Назначение человека - не знать отдыха, всегда быть начеку, на страже: "Свобода.. значит мобилизация" (R. Zogovic. Na poprištu. Beograd, 1947, str. 111). Литературное творчество - тоже подвиг: "Настоящие поэты всех времен и народов... понимали, что стих и сабля должны всегда быть наготове и в руках воина свободы одинаково служат народу и культуре" (там же, стр. 113). "Новые нужды зовут на поэтический и художественный подвиг" (там же).

Существует мнение, подкрепленное христианской доктриной, что имена врагов следует забывать как можно быстрее для того, чтобы и они сами, и воплощенное в них зло уходило из жизни как можно быстрее, не задерживалось в ней, в том числе и в человеческой памяти, и очищало тем самым пространство для добра. Не такова позиция Зоговича: говоря о литературе, он особо подчеркивает, что "правда" и "долг" художника требуют от него, чтобы он помнил и знал всех врагов народа досконально, в том числе и по именам, и адекватно выводил их на страницах своих произведений. Иначе нельзя, по его мнению, говорить об объективности художника. Такую позицию можно объяснить "черногорским сознанием" Зоговича, что и делают многие исследователи. Жизнь на границе между вечно находящимися в состоянии войны народами, жизнь, познаваемая в понятиях борьбы и кровной мести, - это, конечно, неотъемлемая реальность ранней биографии Зоговича. Однако зададимся вопросом: какой смысл вкладывал в свое отношение к врагам сам Зогович? Вряд ли он думал о "кровной мести" или "родовом долге" - скорее, это подспудное желание во что бы то ни стало не потерять социальных ориентиров, продлить существование врага, запечатлеть его образ в народной памяти, и тем самым как бы внести в коммунизм, в этот рай трудящегося народа, где, очевидно, постулат "жизнь - это борьба" должен быть по

существо отменен. Очевидно, такое "перетягивание врага в коммунизм" помогало Зоговичу "вдохнуть жизнь" в это безжизненное понятие, как-то согласовать его с законами диалектического материализма, приблизить к реальности.

M. L. Karaseva

POETICS AND POLITICS

Résumé

1. In the 30-40-ies R. Zogovich, being the ideologist of the movement of "social literature", in his publicistic writing consistently defended the Party principles in art: he thought that artistic work and political activity are different forms of social service.

2. But his own poetry did not correspond to those principles, and many keywords in it are not in a harmony with his own theoretical program: first of all it concerned the word "people", which had rather moral than political meaning, and the word "communism", which had not the real meaning at all: it was some symbol in the political fight, which cannot be exactly identified in spite of the fact that he tried to fill it with some sense, to populate with anamies ets.

3. His artistic world is built on endless fight of "friends" and "anamies" "alives" and "dead": the "real" life (according to him) is always identical to fight, heroism, exploit, overcoming - otherwise it is something "warm and sluggish", not worthy of the name of life.

4. His artistic word is dualism, life is eternal fight of good and evil. These good and evil are inherent in life from the very beginning, they never mix with each other and never reconcile. But they don't exist separately.

5. The dualistic mentality is widespread in the Balkans, so it's not surprisingly that R. Zogovich reflected it in his poetry. As a "montenegrin" he saw the life to be beautiful, intelligent and full of real heroism only in fight.

6. But this dualism maybe form the main conception of his poetry: the main problems in it are not connected with speculative social, class of Party principles, but with some metaphysical, "religious" questions that affect some deep qualities of national consciousness.

